

Л. Е. Куббель

МАТЕРИАЛЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ У НАРОДОВ ЭФИОПИИ В ТРУДАХ А. К. БУЛАТОВИЧА

(ЭКСПЕДИЦИИ 1896—1899 гг.)

Материалы, собранные многочисленными русскими путешественниками в Эфиопии в конце XIX — начале XX в., послужили важнейшим источником для расширения изучения в России этой страны. По своему характеру они в самом общем виде могут быть разделены на две основные группы: к первой относятся обширные собрания предметов материальной и духовной культуры, составившие гордость коллекции Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, вторую образуют записи путешественников, как опубликованные, так и хранимые в различных архивах Советского Союза.

Конечно, между этими двумя категориями исторических источников не существует непреходимой грани — прежде всего потому, что записи и описания собранных путешественниками предметов обычно неразрывно связаны с коллекциями и дополняют их. Вероятно, именно поэтому рукописные материалы русских путешественников по Эфиопии посвящены главным образом материальной культуре и, в меньшей степени, быту населения (если отвлечься от географических данных, которые сами по себе имеют немалую научную ценность). Сведения же о социально-экономических отношениях содержатся лишь у А. К. Булатовича, Л. К. Артамонова, Н. П. Бровцына и А. И. Кохановского. На первом месте среди этих исследователей стоит, несомненно, А. К. Булатович, неоднократно посещавший в 1896—99 гг. западные и юго-западные районы Эфиопии. К тому же Н. П. Бровцын, также уделявший в своей антропологической работе некоторое внимание социально-экономическим проблемам, в этом отношении оказался, за одним только серьезным исключением, в полной зависимости от материалов Булатовича.

Во время своих поездок Булатович собрал в высшей степени интересные данные о хозяйстве и социальной структуре крупнейших групп населения страны — галла центральных и западных областей, амхара центральных районов, жителей Каффы и юго-западных окраин Эфиопии. Эти сведения большей частью вошли в опубликованные им отчеты о двух первых путешествиях¹, но до настоящего времени почти не привлекали специального внимания исследователей.

Из всех проблем, оказавшихся в поле зрения Булатовича, выделяются как своей важностью, так и богатством собранных сведений, три: состояние общества у галла (оромо) и влияние на них соседей — амхара; окончательное сложение в центре и на западных окраинах единого класса зависимого крестьянства; вопрос об общем характере государства Менелика II. Рассмотрению материалов путешественника по трем этим вопросам, неразрывно связанным друг с другом, и посвящается настоящее сообщение.

Наибольший интерес представляют, пожалуй, сообщения о тех частях народа галла (оромо), которые населяли западные и юго-западные провинции эфиопского государства. В свое время М. В. Райт — единственный исследователь, проявивший интерес к социально-экономическим материалам Булатовича, — справедливо отметила, что «никто из русских путешественников не привез таких интересных и подробных сведений о галла»². Особенную ценность наблюдениям Булатовича придает то, что он застал общество галла в то самое время, когда у них происходило быстрое вытеснение еще сохранившихся до того остатков родового общества под влиянием, с одной стороны, развития их собственного хозяйства, а с другой — в результате взаимодействия с более высокой культурой амхара, которые как раз в конце XIX в. завершили политическое подчинение

¹ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896—1897 гг., СПб., 1897; его же, С войсками Менелика II, Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа, СПб., 1900.

² М. В. Райт, Русские экспедиции в Эфиопии в середине 19 — начале 20 в. и их этнографические материалы, «Африканский этнографический сборник», I, М., 1956. стр. 255.

галласского населения этих областей. Именно неустойчивый, подвижный характер социально-экономической структуры в данном случае позволил вдумчивому и серьезному наблюдателю, каким был Булатович, увидеть, так сказать, самое движение исторического процесса.

У галла племен тулама и меча Булатович обнаружил, с одной стороны, сохранение не только крупных родовых объединений — семь у первых и пять у вторых, но и «массы мелких родов», из которых каждый занимал свою строго определенную территорию, хотя все эти подразделения отчетливо сознавали свою принадлежность к одной крупной этнической общности — народу галла³. Конечно, в значительной мере родовая организация существовала как пережиточное явление — в ходе исторического развития, особенно в течение бурного XVI в., она испытала очень сильные разрушающие воздействия. И все же уровень социально-экономического развития галла в посещенных Булатовичем областях еще не был повсеместно настолько высок, чтобы потребность в такой организации отпала окончательно.

С другой стороны, путешественник обратил внимание на то, что у этого народа существовали три, как он выразился, «оттенка культуры». Они были представлены, во-первых, оседлыми животноводцами, почти не занимавшимися земледелием; во-вторых, теми галла, которые занимались почти исключительно земледелием и пчеловодством; и, в-третьих, теми, которые объединяли оба предшествующих типа занятий, а кроме того, еще имели и «кустарные промыслы», т. е. достаточно развитое ремесленное производство. При этом все три типа хозяйства были четко локализованы, и естественно, что провинции с более развитыми формами хозяйства были и более богатыми⁴. Материалы Булатовича указывают к тому же на существование сложившихся и ставших традицией торговых связей между галла и амхарским населением центральных областей страны. Причем купцы-галла «свои товары... редко довозят до моря, а предпочитают их сбывать в Годжаме, Шоа или Джимме-Абедафара»⁵. В то же время у самих галла торговля, по словам Булатовича, находилась «в переходном состоянии от меновой к денежной»⁶.

Интенсивная торговля, подробно описанная Булатовичем, еще более усиливала неравномерный характер хозяйственного развития отдельных групп галла. К тому времени, когда путешественник посетил эти области, давно уже сложилось своеобразное общественное разделение труда между более и менее развитыми провинциями, в котором последним отведена была только роль поставщиков скота, преимущественно вьючного⁷.

Неравномерность развития хорошо видна и из сообщений о религиозной принадлежности галла: ислам, замечает Булатович, был распространен только в Джимме (т. е. в самой развитой и богатой провинции из тех, которые он посетил во время первого путешествия), а также среди купцов и «выдающихся по положению», прочие же галла оставались «еще язычниками»⁸.

Указанные выше три типа хозяйства Булатович рассматривает как «три переходные степени от не оседлого состояния к вполне оседлому». При этом он отчетливо видел связь между амхарским завоеванием и темпом этого перехода: завоевание заметно ускоряло оседание кочевников-галла на землю, поскольку при покорении войсками центрального правительства они теряли значительную часть скота и были вынуждены переходить на полукочевое земледелие. Этому способствовало наличие большого количества свободных земель в прежде чисто кочевых областях.

Большая заслуга Булатовича в том, что он видит зависимость между существовавшими у галла формами земельной собственности и указанными выше хозяйственными типами. «В связи с этим, — писал Булатович, — идет развитие понятия о праве земельной собственности отдельно от права владения. В первом случае вся земля и вода есть общая собственность рода. Во втором случае лицо имеет право на землю, которой активно владеет. В третьем случае мы видим точное разграничение земельных участков, куплю, продажу и обязательства»⁹. И в то же время материалы Булатовича убедительно подтверждают, что родовая организация была не только пережитком определенной формы общественного устройства, но у отдельных групп населения сохраняла и вполне реальное экономическое содержание.

Конечно, и экономика, и общественные отношения у галла развивались не изолированно, а во взаимодействии с их развитием у соседних народов, и в первую очередь — у амхара. И в этой связи нельзя не обратить внимание на мнение Булатовича относительно будущего галла. Он видел это будущее в постепенном слиянии галла в единую

³ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 63—64.

⁴ Там же, стр. 60.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 60.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Там же, стр. 69.

этническую общность с носителями более высокой культуры, какими были амхара; «тем более,— писал он,— что последние очень умело и тактично с ними (т. е. с галла.— Л. К.) обращаются, не насилуя их нравов и верований и относясь к ним законно и справедливо»¹⁰.

Однако контакты галла с амхара не ограничивались областью культуры и хозяйства. Не говоря уже о влиянии обмена и заимствования производственного опыта, при подчинении императорской власти тех или иных местностей в них устанавливались такие порядки, какие свойственны были наиболее развитым центральным областям государства. При постепенном объединении эфиопского государства вокруг амхарской народности более развитые социально-экономические отношения, существовавшие у последней, своеобразно «накладывались» на то, что имелось у других народов страны.

Как отмечал Булатович, все земли, населенные галла, при завоевании объявлялись собственностью короны. Население же таких земель прикреплялось к ним и несло повинности в пользу завоевателей, в форме ли прямых податей или же работы на воинов императорской армии, которые получали участки земли с сидевшими на них крестьянами в «кормление». Естественно, что такого рода изменения легче протекали там, где, по словам путешественника, уже появилась частная собственность на землю — в таких сравнительно высокоразвитых областях, как Лиека, Уалаге, Джимма¹¹.

Закрепощение крестьян-галла на новых землях было делом настолько обычным, что Булатович, зная ставки, по которым обычно производилось наделение чинов императорской армии «кормлениями», смог воспользоваться этими данными для подсчета численности населения тех местностей, где он проходил при первом путешествии. Другим источником послужило ему число назначенных глав отдельных галласских родов и их помощников — «аба-коро» и «аба-ланга»: при подчинении земель императорская власть обычно ликвидировала те из прежних форм управления, которые были отмечены сильным отпечатком норм родовой демократии — такие, например, как «лубе» — советы глав отдельных родов, периодически сменявшихся в своем составе. На их место центральная власть и ее наместники и ставили «начальников родов». Этим обычно и ограничивалось ее вмешательство во внутренние дела покоренного населения, хотя не исключалась и возможность столкновений между традиционной местной администрацией и военными, получавшими «кормления» в этих местностях — пример такого спора Булатович нам показывает¹².

Русский путешественник ясно видел связь между положением крестьянства на вновь присоединенных землях и существованием довольно еще многочисленных в его время рабов. Известно, что император Менелик II законодательно запретил работорговлю и ограничил некоторые формы рабовладения. Однако освобождение рабов затянулось, и далеко не сразу они стали свободными людьми — в Джимме, отмечает Булатович в начале 1898 г., «потомки прежних рабов находятся в настоящее время в зависимом состоянии, аналогичном с положением наших крестьян во время крепостного права»¹³. Но одновременно он не раз говорит о все более и более проявлявшемся стремлении вместо захвата рабов и их угона использовать население вновь подчиняемых областей скорее в качестве сервов, сидящих на земле. Тенденция к превращению раба в крепостного была, несомненно, основана на экономической необходимости: к этому времени рабский труд не мог уже играть важной роли в хозяйстве страны, особенно в земледелии; а об этом как раз и говорил Булатович¹⁴.

В то же время виднейшие государственные деятели Эфиопии хорошо понимали, что вопрос о рабстве и работорговле был тесно связан с международным авторитетом государства. Булатович рассказывает, как рас Уальде Георгис, подвергнув суровому наказанию нарушителя указа о запрещении продажи военнопленных, заметил: «Осел! Ему нужно было только три талера за раба, а ведь он не понимает, что за Эфиопию следит теперь вся Европа!»¹⁵.

Описание положения крестьян и рассмотрение проблемы рабовладения привели путешественника к бесспорному выводу о том, что в конце XIX в. в Эфиопии завершалось сложение единого класса зависимого крестьянства (именно словом «класс» пользовался Булатович). Основной смысл процесса был ему совершенно ясен, хотя Булатович прекрасно видел и локальные различия. В частности, если в амхарских областях существовали две главные категории крестьянства — «гебар» (крепостные) и «гиндзельт» (лично свободные, но обязанные повинностями; в некоторых местностях они даже считались собственниками своих участков), то в Каффе, например, с «зависимым,

¹⁰ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 83.

¹¹ Там же, стр. 60, 82.

¹² А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 85—86.

¹³ Там же, стр. 26.

¹⁴ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 103; ср. также Н. П. Бровцын, Абиссинцы провинции Шоа (серия докторских диссертаций, допущенных к защите в Императорской Военно-Медицинской Академии в 1908—1909 учебном году. № 34), СПб., 1909, стр. 91; М. В. Райт, Указ. раб., стр. 271.

¹⁵ А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 86.

условно свободным, не несущим военной службы населением» еще задолго до конца XIX в. стали сливаться в единый класс зависимых крестьян пленные рабы¹⁶. Другими словами, в Каффе процесс продвинулся дальше, чем в центре государства.

Как же оценивал сам Булатович социальное-экономическое устройство современной ему Эфиопии? Булатович не был специалистом-историком, тем более не был он материалистом в понимании исторических фактов, хотя отдельные его высказывания и оценки сделали бы честь любому историку-профессионалу. И при рассмотрении социально-экономической структуры державы Менелика II Булатович отрицал ее феодальный характер. Дело в том, что под феодализмом он понимал только политическую форму феодального строя, а отнюдь не его экономическую сущность. И сходство Эфиопии с феодальными обществами усматривал лишь в системе уделов¹⁷. Главным же отличительным признаком феодального общества Булатович считал существование устойчивых сословий, каких, по его мнению, в тогдашней Эфиопии не было.

Однако его собственные сведения об общественных группах в центре государства и в Каффе показывают как раз обратное — что такие сословия все же существовали и были достаточно определены¹⁸. И к тому же описанные самим Булатовичем имущественные, особенно земельные, отношения совершенно недвусмысленно свидетельствуют, что перед нами не просто сословия, а даже классы-сословия, т. е. явление, характерное именно для феодального общества.

Из общей концепции Булатовича проистекала и его оценка нашествия галла в XVI в. Путешественник полагал, что оно совершенно разрушило феодальную организацию в Эфиопии; главным доводом в пользу этого тезиса служило Булатовичу заметное усиление императорской власти в XVII — первой половине XVIII в. — факт сам по себе совершенно бесспорный, но обусловленный на самом деле весьма конкретными и индивидуальными историческими причинами¹⁹. Еще одно подтверждение своей точки зрения Булатович видел в устойчивом сохранении правовой фикции государственной собственности на всю землю в стране, оговариваясь, правда, что «сходство с феодальной системой заключается в существовании церковных земель, очень больших и самостоятельно управляемых»²⁰. Однако, помню сообщений Булатовича, мы в данном случае располагаем свидетельством Бровцына, который первым в отечественной научной литературе дал описание эфиопских форм лена и бенефиция в конце XIX в. — «рест» и «гульд», чисто феодальных по существу²¹.

И все же Булатович был прав, когда говорил о непрерывном усилении центральной власти (в этом он не был одинок). Одним из убедительных доводов в пользу его правоты служат приводимые им цифры государственных доходов правительства Менелика II. С земель, принадлежавших непосредственно казне, шла одна треть всех поступлений, и эта доля обнаруживала устойчивую тенденцию к постоянному и непрерывному росту²². Булатович имел достаточно оснований говорить о быстром сложении могущественного централизованного государства, к народу и правительству которого он неизменно испытывал глубокую и искреннюю симпатию.

В последнем отношении показательны выводы, которые сделал Булатович еще после своего первого путешествия в 1896—1897 гг. и которыми он заключил свой опубликованный отчет об этой поездке. В этом заключении, построенном в форме вопросов и ответов, особого внимания заслуживают два вопроса. Первый из них: «Что представляет из себя Эфиопия как государство? Основано ли его могущество исключительно на выдающейся личности Менелика, или оно покоится на твердых основаниях? Жизненно ли это государство, или оно включает в себе много разлагающихся элементов?» «Надежность государственных основ, — отвечал на это Булатович, — заключается в глубоком чувстве законности и сознательности народа, а также в том, что сильных противников императорской власти не существует... Государство имеет все задатки на долгое существование».

Ответ на второй вопрос: «Бедная Эфиопия страна или, наоборот, богатая?» — был не менее оптимистичен и исполнен веры в творческие силы народа Эфиопии: «Народ пока бедный, но страна богатейшая»²³.

В кратком сообщении нельзя рассмотреть все значение работ Булатовича для русской эфиопистики. Хочется надеяться, что этот яркий и своеобразный ученый еще дождется своего исследователя.

¹⁶ А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 48.

¹⁷ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 100.

¹⁸ Там же, стр. 98—102. А. К. Булатович, С войсками Менелика II, стр. 48—49.

¹⁹ А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 117—118.

²⁰ Там же, стр. 100.

²¹ Н. П. Бровцын, Указ. раб., стр. 81—82.

²² А. К. Булатович, От Энтото до реки Баро, стр. 146.

²³ Там же, стр. 181—182.